

W

СРЕДНЯЯ АЗІЯ

I.

Благодаря заботамъ нашего правительства и удачнымъ походамъ нашихъ войскъ, богатый край, Средняя Азія, съ ханствами Хивинскимъ, Коканскимъ, Бухарскимъ и другими, становится все болѣе и болѣе доступнымъ для нашихъ мирныхъ съ нимъ торговыхъ сношеній. Важность этого, можно сказать, нашего улуса какъ въ торгово-промышленномъ отношеніи, такъ и въ политическомъ, можетъ быть признана большинствомъ только современемъ. Однако, пользуясь настоящимъ возбужденнымъ вниманіемъ къ нему, я намѣренъ подѣлиться съ читателями своими собственными наблюденіями и тѣми свѣдѣніями о краѣ, которыя я приобрѣлъ опытомъ, пробывъ въ Бухарѣ въ шестидесятихъ годахъ и не покидая сношеній съ нею до настоящаго времени.

Начну съ оговорки, что только завистливые и своекорыстные инородцы могутъ смотрѣть и объяснять настоящіе наши успѣхи въ Средней Азіи—жаждой новыхъ приобрѣтеній, желаніемъ расширить и безъ того обширныя предѣлы нашего отечества. Я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы народы, населяющіе средне-азіатскія ханства, были приведены въ русское подданство прежде, нежели они сами пожелаютъ того, сами сознаютъ благо для себя въ томъ и открыто заявятъ о неуклонномъ своемъ желаніи. Для нихъ, въ настоящее время, весьма важно и даже неизбежно-необходимо, да и для насъ самихъ полезно, только одно покровительство и заступни-

чество нашего правительства; народы тѣ прежде всего нуждаются въ охраненіи отъ хищническаго разграбленія ихъ имуществъ, безъ чего немислимо преуспѣяніе ни въ какомъ отношеніи. Такое покровительство желается жителями ханствъ всякихъ сословій, кромѣ отчасти клерикальной партіи; всѣ они ищутъ и домогаются того въ полной увѣренности, что наше правительство, какъ и всегда, отнесется свято и ненарушимо къ мѣстнымъ обычаямъ, къ туземной религіи и даже законоположеніямъ, которыя имъ необходимы, полезны какъ выработанныя самою жизнію.

Конечно, для охраненія имуществъ и для безопасности какъ своихъ подданныхъ, такъ и туземныхъ жителей, правительство будетъ поставлено въ необходимость содержать тамъ значительныя войска и организованную администрацію, и на все это неминуемо потребуются особыя расходы, и для покрытія ихъ весьма позволительно взимать съ мѣстныхъ жителей подать, которая никогда не была бы отягощеніемъ для страны и которую всѣ заплатятъ съ удовольствіемъ, имѣя въ виду охраненіе личности и цѣлость капиталовъ. Наше правительство само сознаетъ, что подать эта должна быть соразмѣрена только со средствами и нуждами края, идти только на покрытіе необходимыхъ тратъ по управленію и по другимъ сопряженнымъ съ нимъ расходамъ, а никакъ не для обогащенія государственныхъ доходовъ. Въ политико-стратегическомъ отношеніи этотъ край едва ли когда-либо будетъ имѣть большое для насъ значеніе. Но несомнѣнно, что онъ долженъ послужить въ ближайшемъ же будущемъ незыс-

каемымъ источникомъ для обогащенія всей остальной Россіи: онъ способенъ и пригоденъ производить все, что требуется для удовлетворенія нуждъ и прихотей людскихъ.

Но для того, чтобы могла Россія извлечь всѣ выгоды изъ этого края, мало усилій одного правительства, — для этого необходимо дружное ему содѣйствіе всего промышленно-торговаго сословія. Правительство можетъ дать хорошую, плохую или дурную администрацію; правительство можетъ содѣйствовать промышленному развитію страны или задержать и остановить его; правительство можетъ принимать исключительно общія мѣры, способствующія этому развитію, или только частныя и личныя, препятствующія обогащенію края. Но правительство само никогда не можетъ быть и не должно быть промышленникомъ, а потому не можетъ знать и вѣдать промысловыя нужды народа безъ содѣйствія практики промышленной.

Весь этотъ край, со всѣми своими богатствами, какъ бы самою судьбою предоставленъ на пользу Россіи: его географическое положеніе, его нужды, характеръ и сочувствіе населяющихъ его народовъ — все влечетъ его къ намъ. Наши торговыя сношенія съ среднеазиатскими народами возникли и развились изъ взаимныхъ выгодъ, которыя ощутили и сознали обѣ стороны. Исторія говоритъ что, на первомъ планѣ этихъ сношеній всегда стояла Бухара, которая своимъ вліяніемъ на прочія владѣнія, на Хиву, Коканъ и Ташкентъ, оказывала намъ постоянное содѣйствіе. Бухарское правительство если и не покровительствовало открыто развитію торговли русскихъ подданныхъ, то не запрещало и не дѣлало, до послѣдняго времени, явныхъ имъ препятствій; между тѣмъ какъ оно не дозволяло торговыхъ предпріятій

другимъ европейскимъ народамъ, стѣсняла всякую попытку завести и упрочить торговыя сношенія, неоднократно отвергало разнородныя, будто бы весьма лестныя и прибыльныя для азіатскаго народа, предложенія другихъ державъ. Сколько извѣстно, такъ еще прадѣдъ настоящаго эмира, мурза Фира, выгналъ пословъ англійскихъ, предлагавшихъ доставлять изъ Англій всѣ возможные товары за полцѣны противу русскихъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы были воспрещены всякія сношенія съ Россіей. Знакомый уже, на примѣрѣ своихъ сосѣдей, съ торговой политикой Англій, эмиръ отказалъ посламъ. Наслѣдники его точно такъ же отказывали на - отрѣзъ всякимъ домогательствамъ другихъ европейцевъ, или Френговъ, какъ называютъ Бухарцы иностранцевъ: могли въ Бухарѣ англійскихъ путешественниковъ Стоктони и Конолли, пытавшихся въ недалекомъ прошломъ водворить дружескія торговыя сношенія съ Бухарой, служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ нерасположенія Бухарцевъ къ дружбѣ съ «Френгами». Доказательствомъ тому же служилъ и недавній поступокъ Бухарцевъ съ Итальянцами, посланными для закупокъ шелковичныхъ червей: они, захваченные тамъ, несмотря на русское вооруженное прикрытіе, едва могли избѣжать потери капитала и сохранили жизнь благодаря только настояніямъ русскаго правительства. Все это указываетъ на дружеское расположеніе къ намъ азіатскихъ народовъ, на полное предпочтеніе насъ передъ другими европейскими націями и вмѣстѣ съ тѣмъ на уваженіе къ нашему правительству. Послѣднія событія, еще свѣжія въ памяти читателей, только могутъ утверждать насъ въ томъ же мнѣніи и ясно свидѣтельствовать, что и сама тамошняя клерикальная партія безсильна въ желаніи возбудить въ народѣ злобу и ненависть къ намъ.

Безспорно, по крайней мѣрѣ для меня, что въ нашемъ среднеазиатскомъ улусѣ все расположено къ намъ и какъ бы предназначено для нашего пользованія. Правительство, какъ мы знаемъ, всегда готово помогать намъ въ этомъ дѣлѣ и даже не жалѣетъ весьма значительныхъ расходовъ. Но оно одно, безъ помощи и содѣйствія промышленниковъ, какъ я уже сказалъ, несмотря ни на какіе блестящіе военные успѣхи, не будетъ въ состояніи на вѣки упрочить тамъ свое вліяніе: оружіе, какъ сила внѣшняя и принудительная, пролагаетъ только путь для сближенія народовъ; самое же сближеніе, слитіе народовъ достигается только сліяніемъ интересовъ внутренней жизни, возбужденіемъ выгодъ отъ взаимныхъ сношеній. Содѣйствіе русскаго промышленнаго и торговаго сословія необходимо, если только оно желаетъ сохранить за собою величайшій рынокъ для обмѣна русскихъ произведеній на туземное сырье. Вѣдь, строго говоря, всѣ, до послѣдней поры, наши сношенія съ среднеазиатскими народами можно назвать только попытками отдѣльных смѣльчаковъ, рисковавшихъ почти всегда не только всѣмъ своимъ достояніемъ имущественнымъ, но и весьма часто самою жизнью. Съ возстановленіемъ, послѣ послѣднихъ военныхъ событій, безопаснаго, хотя нельзя еще сказать вполне спокойнаго, пути, надо желать и надѣяться, что, во-первыхъ, наше купечество не преминетъ принять дѣятельное участіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ этимъ краемъ, и во-вторыхъ, явится большое число серьезныхъ и основательныхъ предпринимателей. Имѣя въ виду этихъ людей, я начну свой рассказъ, какъ говорится, съ начала, съ первой минуты поѣздки. Какъ ѣхать

туда, какимъ путемъ? спросить каждый. Вотъ подробный маршрутъ отъ Москвы до Бухары.

Изъ Москвы путь этотъ лежитъ черезъ Нижний на Самару и въ 400 верстахъ отъ нея на Оренбургъ, а оттуда на Орскъ—265 в., далѣе можно ѣхать на почтовыхъ до форта № 1-й Казалы, съ остановками въ фортѣ Карабутахъ; потомъ остановка въ Уральскомъ укрѣпленіи. На этихъ разстояніяхъ отъ Орска будутъ станціи Токанъ—27 в., Истемесъ—32½ в., Араль-Тюбе—25½ в., Сары-Камысъ—36½ в., Бугаты-Сай—22 в., Дамды—19 в., Басъ-Карабутахъ—28¼ в. и фортъ Карабутахъ—20 верстъ а всего отъ Орска 216¼ и отъ Оренбурга 476¾ в.; далѣе: Чулакъ-Капракты—32 в., Кумсай—25¼ в., Карасай—26¾ в., Сыралы—32½ в., Кызыль-Яръ—30½ в., Бузь-Комыръ—14¾ в. и укрѣпленіе Уральское—20 в., а всего 181¾ в. и отъ Оренбурга 658½ в.; потомъ: Джалангачъ—20 в., Кытай-Куль—18 в., Жалавли—36 в., Терекли—30 в., Джулюсь—17 в., Каза-Кудукъ—18 в., Донгурмокъ-Соръ—30 в., Кулькудукъ—26 в., Алты-Кудукъ—21 в., Акъ-Джультасъ—18 в., Сапакъ—28 в., Камышли-Бошъ—28 в., Бекбаули—34 в. и фортъ № 1-й или Казалы—22 в., а всего 346 в. и отъ Оренбурга—1,004½ в. Фортъ этотъ стоитъ на Сыръ-Дарьи (кстати, Дарья—имя нарицательное и значитъ вообще рѣка, какъ Тау—гора).

Переправясь черезъ Сыръ-Дарью, далѣе приходится уже ѣхать верхомъ на киргизской лошади, обыкновенно здѣсь же покупаемой за 30 или 40 руб. вмѣстѣ съ сѣдломъ и подушкой. Но отправлявшіеся до сихъ поръ торговцы, минуя почтовую гоньбу, предпочитали покупать киргизскихъ лошадей въ самомъ Оренбургѣ и

ѣхать верхомъ при караванѣ изъ 10 верблюдовъ съ багажемъ и всякою поклажею. Для путешествія по этому пути безъ большихъ лишеній, нужно въ Оренбургѣ же заготовить всѣмъ необходимымъ, а именно: мѣднымъ чайникомъ и чайнымъ приборомъ, стеганнымъ хлѣбомъ, приготовляемымъ въ Оренбургѣ Татарками, въ видѣ лепешекъ на бараньемъ салѣ; не лишнее взять также бульону для супа или посоленныхъ куръ; но главное, необходимо заготовить стеганный домъ, т. е. киргизскою кибиткою (джюламейка): кибитка эта — шатеръ изъ войлока, подъ которымъ удобно укрыться отъ непогоды и отдохнуть отъ палящаго жара. Хотя путь черезъ Киргизскую степь и безопасенъ, благодаря замиреніямъ сосѣднихъ народовъ, но для болѣе покойной и веселой ѣзды не мѣшаетъ взять съ собою ружье, револьверъ, порохъ, пули и дробь, — все это если и не понадобится для обороты, то пригодится для стрѣлянія дичи, находящейся въ изобиліи по степи. Серебряные рубли наши имѣютъ малое значеніе въ степи: еще верстъ за 500 можно купить барана рубля за два, но далѣе Киргизъ добродушно спрашиваетъ: «что мнѣ дѣлать съ вашимъ серебромъ? Мнѣ нужны нанка, ситецъ, игла, нитки, наперстокъ — для моей семьи, а въ серебро она не одѣнется; дайте мнѣ ситцу и иголъ, такъ я вамъ дамъ любого барана, да еще спасибо скажу, что помогли моей семьѣ въ нуждѣ». Впрочемъ, хотя Киргизъ и не продастъ барана за деньги, но все-таки накормитъ и дастъ ночлегъ безъ всякой платы.

Отъ форта № 1-й будутъ большія остановки въ фортахъ № 2-й, потомъ Перовскомъ, далѣе въ фор. Джулекъ, Туркестанѣ, Чекментѣ и наконецъ Ташкентѣ. Между ними раздѣлы: Майлыбашъ — 45 в., Аксуатъ — 22 в., Аксаръ — 21 в., Ильжебай — 24½ в., Каротугай — 23 в., Хорхутъ — 17½ в. и фортъ № 2-й — 19½ в., а всего отъ форта Казалы — 172½ в.; потомъ: Джаманъ-Дарья № 2-й — 43 в., Курганчи — 20 в., Иркуль — 25 в., Кулыске — 23 в. и ф. Перовскій — 27 в., а всего — 138 в. и отъ форта № 1-й — 310½; Бирказанъ — 28 в., Джарты-Куль — 20 в., Сангарлы — 30 в., Казык-

ты — 10 в. и ф. Джулекъ — 18 в., а всего 106 в., и отъ Казалы — 416½ в.; далѣе: Кукъ-Крымъ — 22 в., Тюмень-Арыкъ — 40½ в., урочище Міялы — 48 в., Саурамъ — 30½ в., Карпанъ — 30 в. и Туркестанъ — 25 в., а всего 196 в. и отъ Казалы — 612½ в.; Иканъ — 21 в., Акмала — 30 в., Бачень — 30 в., Арысъ — 30 в. и Чекментъ — 35, а всего 146 в. и отъ Казалы — 758½ в.; наконецъ: Беклеръ-Бегъ — 25 в., Шаранъ — 20 в., Аксаръ — 28 в. и Ташкентъ — 32, а всего 105 в. и отъ Казалы 863½ в., а отъ Оренбурга — 1,868 верстъ.

Путь отъ форта № 1-й до Бухары гораздо труднѣе перваго. Караванъ идетъ до Янгы-Дарьи пустыннымъ мѣстомъ, встрѣчая на раздѣлахъ только колодцы и рядомъ съ ними могилу мусульманина, вырвавшего первый колодецъ. Остановившись около колодца караванъ идетъ прежде всего молиться на могилу этого человѣка, соорудившаго себѣ вѣчный памятникъ. Такой обычай заставляетъ почти каждого зажиточнаго мусульманина отыскивать въ степи воду, устраивать на ней колодецъ и еще при жизни готовить около него могилу для себя. Перебравшись черезъ Янгы-Дарью, караванъ вступаетъ въ безводную степь; зимою здѣсь довольствуются водою отъ снѣга, но лѣтомъ берутъ запасы съ собою и везутъ ихъ на особыхъ верблюдахъ. Подъ знойнымъ 45 градуснымъ жаромъ, несчастному верблюду, чуткому къ водѣ на далекомъ разстояніи, не даютъ пить по нѣскольку сутокъ къ ряду; изнуренный жаждою, онъ не переноситъ такой муки, и потому, по всему степному пути, трупы верблюдовъ попадаются очень часто. Неимѣніе въ степи колодцевъ Бухарцы объясняютъ тѣмъ, что по всѣмъ произведеннымъ попыткамъ найдена здѣсь только горько-соленая и вовсе негодная къ употребленію вода; но Киргизы завѣряютъ, что Бухарцы въ этомъ случаѣ хитрятъ и не роютъ колодцевъ съ умысломъ, по наущенію своихъ муловъ, для того чтобы противодѣйствовать вторженію Русскихъ въ Бухару. Впрочемъ, не заводятъ здѣсь колодцевъ и хищники Туркмены, грабящіе наши караваны только въ зимнее время, когда они могутъ довольствоваться снѣгомъ.

Такъ какъ фортъ № 1, или Казалы, имѣетъ уже и теперь весьма важное значеніе, такъ какъ въ недалекомъ будущемъ ему суждено играть роль еще болѣе значительную и быть главнымъ перепутьемъ для всей нашей средне-азіатской торговли, то я и поговорю о немъ болѣе подробно.

Еще въ 1773 г., ханъ Малой Киргизской орды, Абдуль-Хаиръ, присягнулъ на подданство императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; но это не спасло Киргизовъ отъ разорительныхъ грабительствъ со стороны ихъ азіатскихъ сосѣдей: имъ часто приходилось уступать дикой и ничѣмъ не обузданной силѣ и вмѣстѣ съ сосѣдями отправляться на грабительство по нашей оренбургской линіи. Безпрерывное разореніе пограничной линіи, жалобы и просьбы самихъ Киргизовъ, вынудили наше правительство передвинуть линію далѣе во внутрь степи. Переселеніе это значительно успокоило ближайшую къ линіи степь, болѣе обезопасило имущество поселенцевъ и доставило имъ болшую возможность къ мирнымъ полевымъ занятіямъ; но, въ то же время, оно не оказало никакого вліянія на Киргизовъ-кочевниковъ по Сырь-Дарьѣ, которыхъ тѣснили въ свою очередь Хивинцы и Коканцы, и нисколько не обезопасило слѣдованіе нашихъ каравановъ. Болѣе прочное утвержденіе наше въ степи началось со времени возведенія постоянныхъ укрѣпленій, съ 1846 г., вслѣдъ за возстановленіемъ спокойствія послѣ погрома султана Кинсары Касимова. Но укрѣпленій Оренбургскаго и Уральскаго оказалось все еще недостаточно для полного успокоенія края; поэтому, въ 1847 г., заложено на низовьяхъ Сыра укрѣпленіе Раимское, въ послѣдствіи Аральское, въ 80-ти верстахъ отъ устья Сыра и въ 1,008 вер. отъ Оренбурга. Къ сожалѣнію, для этого была избрана мѣстность не совсѣмъ удачно: хотя Аральское укрѣпленіе и могло прикрывать Киргизовъ отъ своеволія и насилія Хивинцевъ, но оно не соотвѣтствовало вполнѣ всѣмъ требованіямъ заселеннаго пункта, особенно въ сравненіи съ удобствами Казалы, отстоящей

отъ Раима въ 50-ти верстахъ по Сыру и служащей для переправы значительныхъ бухарскихъ каравановъ. Это и было причиною упраздненія Аральскаго укрѣпленія въ 1855 г., вмѣсто же его тогда же сталъ возводиться фортъ № 1 на Казалѣ.

По возведеніи Аральскаго укрѣпленія, въ теченіи лѣтъ трехъ, тамъ не было ровно никакой торговли: караваны бухарскіе проходили отъ него далеко, а русскіе торговцы не рѣшались въ немъ селиться. Товарное сообщеніе съ оренбургскою линіей имѣлось только *разъ въ годъ*, и именно тогда, когда изъ Оренбурга отправлялся казенный транспортъ съ провіантомъ, боевыми припасами, строительными матеріалами и со всѣмъ прочимъ, до самой мельчайшей потребности. Караваны эти были громаднхъ размѣровъ: они заключали въ себѣ до 5,000 башкирскихъ подводъ и до 3,000 верблюдовъ, подъ прикрытіемъ значительнаго отряда всѣхъ родовъ войскъ. Съ ними служащіе должны были выписывать все необходимое для жизни, такъ что недостатокъ денежныхъ средствъ или неосмотрительность въ могущихъ встрѣтиться нуждахъ—доводилъ жителей до крайности; случался недостатокъ въ самыхъ пустѣйшихъ и ничтожныхъ вещахъ, какъ иголки, нитки и т. п. Все это дѣлало жизнь въ этомъ краѣ весьма тягостною. Почтоваго сообщенія первоначально не было никакого, само начальство переправляло нужныя бумаги съ нарочнымъ Киргизомъ, съ нимъ же частныя лица могли пересылать свои письма, если онъ, впрочемъ, не отправлялся секретно. Съ 1849 г. учреждено было почтовое сообщеніе разъ въ мѣсяць съ верховыми Киргизами для простой легкой корреспонденціи; съ 1851 г. это сообщеніе производилось уже три раза въ мѣсяць. Съ 1858 г. открылось почтовое сообщеніе на телѣгахъ отъ Орской до Уральскаго укрѣпленія, тоже три раза въ мѣсяць, а въ 1862 г. это сообщеніе продолжено и до форта № 1-й, но только для простыхъ писемъ и посылокъ не страхованныхъ, а денегъ не пересылалось, такъ какъ этотъ

путь не имѣлъ достаточной гарантіи въ прочномъ спокойствіи.

По возведеніи укрѣпленія въ Раимѣ, нѣкоторые Бухарцы, изъ проходившихъ не вдалекѣ каравановъ, заходили въ Раимъ и съ успѣхомъ продавали тамъ сушеные фрукты, мѣха, выбойку и прочее; съ 1850 г. стало прибывать къ Раиму все болѣе и болѣе бухарскихъ съ разными товарами торговцевъ, селившихся въ своихъ кибиткахъ близъ форштата, такъ что въ 1855 г., при упраздненіи Аральскаго укрѣпленія, находилось тамъ 18 такихъ постоянныхъ торговцевъ.

Вскорѣ же по возведеніи Раимскаго укрѣпленія и аренбургское купечество, во главѣ котораго были Дѣвы и Путиловы, учредило компанію рыболовства на Аральскомъ морѣ. Правда, эта компанія вскорѣ прекратила свои дѣла, но ей все-таки принадлежитъ честь основанія торговли русскихъ купцовъ въ Раимѣ: гдѣ въ 1849 г. имѣлось уже три русскихъ лавки—Дѣвыхъ, Путиловыхъ и Ковалевыхъ,—послѣдній прекратилъ торговлю въ 1862 г.; по возведеніи же форта № 1 на Казалѣ, туда прибыли изъ Раима двое русскихъ торговцевъ и 18 бухарскихъ.

Вслѣдъ за возведеніемъ на Казалѣ форта № 1-го, мѣстность эта стала замѣтно и быстро оживляться. Движеніе огромныхъ каравановъ (до 25,000 верблюдовъ въ годъ), перекочевки и переправы на зимовку и обратно большихъ ауловъ Киргизовъ, движеніе нашихъ отрядовъ по Сыру, огромные казенные транспорты, прихо-

дящіе въ Казалу, и наконецъ, устройство съ подряда, въ 1854 г., порта и паровой флотилии—все это благотѣльно повліяло на оживленіе мѣстности и приманило сюда предпримчивость: многіе, начавъ здѣсь торговлю въ 1855 г. съ самыми ничтожными средствами, продолжаютъ ее по настоящее время съ полнымъ успѣхомъ. Самый фуражъ для гарнизона, до 20,000 пудъ, доставлявшійся прежде изъ Оренбурга, закупается въ настоящее время на мѣстѣ, съ большою выгодною для казны, у мѣстныхъ Киргизовъ, что способствуетъ развитію хлѣбопашества среди ихъ, доставляя имъ возможность пріобрѣтать больше довольства на эти деньги.

Кризисъ хлонка во время американской войны также много способствовалъ оживленію Казалы. Она сдѣлалась мѣстомъ перевалки хлонка, такъ какъ въ Бухарѣ оказался недостатокъ верблюдовъ для отправления его прямо въ Оренбургъ; Киргизы при наймѣ верблюдовъ до Оренбурга требовали уплаты денегъ впередъ, такъ что бухарскіе торговцы принуждены были имѣть въ Казалѣ своихъ торговцевъ со значительными капиталами и порядчными запасами товара. Наемъ верблюдовъ до Оренбурга доходилъ до 20 руб. за 18 пудовъ клади, съ платой двухъ третей деньгами и одной трети товаромъ. Вызванное тѣмъ увеличеніе населенія и удовлетвореніе его потребностямъ доставило выгодныя заработки мастеровымъ и рабочимъ гарнизона, такъ что у самихъ солдатъ явилась лучшая обстановка.

✓ Быстрое развитіе торговли въ Казалѣ, вызванное далеко не случайными обстоятельствами, доказало живую потребность всего края въ подобномъ пунктѣ; даже въ окрестностяхъ оживилось хлѣбопашество. Хотя въ началѣ и при Раимѣ поселились оренбургскіе казаки, но жизнь ихъ была до того скудная, что большая часть

ихъ возвратилась обратно, такъ что въ Казалу перешло ихъ только 16 семействъ. Здѣсь хозяйство ихъ стало возрастать, дѣла стали поправляться такъ быстро, что все это вызвало множество новыхъ переселенцевъ, безъ всякаго пособія со стороны правительства; въ 1864 г. такихъ поселенцевъ насчитывалось уже 49 се-

мействъ съ 368 душами. Поселенцы эти возобновили, еще въ 1859 г., рыбный промыселъ на устьи Сыръ-Дарьи и составили между собою товарищество изъ 12 паевъ. Этимъ промысломъ они добываютъ ежегодно—шипъ (низшій сортъ осетра) свыше 3,500 пудовъ, икры около 70 п. клею до 20 п. и визиги до 15 п.—всего на сумму до 6,060 рубл. Добычу свою они продаютъ частію на мѣстѣ, а частію вощикамъ съ линіи, по цѣнѣ: осетрину около рубля за пудъ, икру и визигу по 16 рублей за пудъ и клей около 60 руб. за пудъ. Сначала нѣкоторые поселенцы пробовали было вывозить сами свою добычу на оренбургскую линію, но взыскиваемая тамъ пошлина, по 25 коп. съ пуда осетра, затруднила сбытъ. Поселенцы жаловались на это, объясняя, что они русскіе подданные, живутъ въ предѣлахъ имперіи, что привозятъ продукты своихъ трудовъ; но получили отвѣтъ, что впредь до изданія новаго положенія они не могутъ быть избавлены отъ платежа пошлины **). Въ 1865 году поселенцы владѣли 11 вѣтряными мельницами и 3 съ конными приводами; средняя плата за помолъ была 20 коп. съ пуда, но часто доходила до 30 коп.

Чтобы болѣе точно судить о быстротѣ развитія торговли въ фортѣ № 1, я представляю постепенное возрастаніе числа торговцевъ и занимаемыхъ ими лавокъ съ 1855 года по 1865 г.

	1855 г.	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65
Русскихъ	2	3	3	5	7	7	7	12	19	24	34
Киргизъ	—	—	1	3	4	4	5	5	5	5	5
Хивинцевъ	—	—	—	1	2	1	3	3	10	12	12
Бухарцевъ	18	21	29	41	80	70	103	103	109	116	118
Евреевъ бухар.	2	2	4	6	6	6	6	7	13	14	15
Всего	20	26	35	54	99	88	124	130	156	171	184

Изъ 34 лавокъ, принадлежавшихъ въ 1865 г. русскимъ торговцамъ, 16 лавокъ представляютъ постоянныя прочныя постройки въ форштатѣ, 9 временныхъ деревянныхъ на базарѣ, 7 питейныхъ домовъ и 2 виноградные погреба; изъ 150 остальныхъ 141 лавка помѣщаются въ прочныхъ зданіяхъ, каменныхъ, изъ сырцового кирпича, на бухарскомъ базарѣ и 9 временныхъ деревянныхъ на фортовомъ базарѣ. Впрочемъ до 1861 года азіатскіе торговцы всѣ помѣщались въ кибиткахъ, возлѣ форштата и только въ этомъ году построили на свой счетъ каменные, совершенно подобныя бухарскимъ, лавки, большія, съ жилыми комнатами и кухней сзади и съ большими дворами для скота возлѣ кухни.

**) Послѣ распоряженія въ прошломъ мѣсяцѣ о перенесеніи сибирской таможенной линіи, это затрудненіе, вѣроятно, отстранится.

Ред.

Въ фортѣ № 1-й по настоящее время не взимается никакихъ пошлинъ за право торговли, и каждый вновь прибывающій свободно торгуетъ чѣмъ пожелаетъ, за исключеніемъ только питей и ядовитыхъ веществъ. Селящіеся въ фортѣ Русскіе за построенные дома на казенной землѣ платятъ поземельныя по 3 р. въ годъ за 50 кв. саж. и за каждыя слѣдующія 50 сажень, находящихся въ рукахъ одного владѣтеля, по 1 р. 50 к. Есть предположеніе, по еще не осуществившееся, брать поземельныя и съ азіатцевъ по 3 р. за большую и по 2 р. за малую лавку въ годъ. Какъ тѣ, такъ и другіе сборы взимаются для устройства полицейской части, обязанности которой до сихъ поръ исполнялись строевыми военными чинами.

Товаръ, продаваемый въ Казалѣ, доставляется какъ съ оренбургской линіи, такъ и изъ ханствъ. Въ 1864 г. привезено товаровъ для мѣстной продажи:

Русскихъ на	126,768 р.
Азіатскихъ	73,791 »

Всего на 200,559 р.

Свѣдѣнія эти собраны отъ переводчика форта, по свидѣтельствамъ таможенныхъ заставъ о пропускѣ оплаченного пошлиною товара русскаго и по предъявленіямъ объ азіатскихъ товарахъ самихъ хозяевъ каравана, которые всегда опасаются показывать дѣйствительное количество привезеннаго товара, опасаясь, что съ нихъ будутъ брать пошлину; такъ что цифру привоза азіатскихъ товаровъ нужно считать уменьшенной.

Такое, весьма значительное для десятилѣтняго существованія форта, развитіе торговли дало возможность мѣстнымъ жителямъ приобрѣтать все для нихъ необходимое по умѣреннымъ цѣнамъ, съ приплатою не болѣе 20% за комиссію, тогда какъ въ началѣ приходилось платить торговцамъ рубль на рубль. Такіе барыши уже дали возможность многимъ азіатцамъ, прибывавшимъ сюда по преимуществу бѣдняками, съ ничтожными средствами, разбогатѣть, сдать свою лавку вновь прибывшему, такому же бѣдняку, а самому отправиться далѣе во внутрь Россіи.

Базарная торговля форта въ 1864 году простиралась на сумму 64,530 р.; а именно: продано скота разнаго на 31,179 руб., хлѣба на 15,148 р., рыбы на 2,079 р., масла коровьяго на 1,268 р., сала бараньяго на 1,695 р., шкуръ на 8,331 р., верблюжьей шерсти на 1,050 р. и дынь и арбузовъ на 3,160 р. Но увеличеніе базарной торговли лучше всего доказывается от-

Дачею съ торговъ казенныхъ вѣсовъ на базарѣ съ правомъ взимать по 1 к. съ пуда взвѣшеннаго товара: такъ, въ 1863 г. они сдавались за 209 р., а въ 1864 г. сданы за 621 р.

Кромѣ указанныхъ выше товаровъ, потребляемыхъ мѣстными жителями, правительство для своихъ потребностей приобрѣло въ районѣ форта № 1-й въ 1864 г.

Ячменя для лошадей	23,000 п.	на 14,950 р.
Мяса, по 2 р. пудъ	»	8,000 »
Масла коровьяго, по 6 р. п.	»	1,800 »
Ржи на муку, по 75 к. п.	»	8,000 »
Саксаула или топлива для паровыхъ аральской флотиліи, по 6 коп. п.		на 12,000 »
Всего на		41,750 р.

Русское купечество въ районѣ форта приобрѣтаетъ для отправки въ Оренбургъ барановъ, шкуръ джебаги и верблюжью шерсть: въ первое время одни Дѣвы и Путиловы отправляли до 30,000 шт. барановъ; но весь оборотный капиталъ на эту торговлю нужно считать не менѣе 100 т. р. Изъ Азіи доставляются сюда мата, бязь, бумажная пряжа, кожаные шаровары, конская сбруя, кожаная обувь, пояса, ермолки, чалмы; канаусы, ковры, попоны, сырой шелкъ, азіатскіе мѣха, сушеные фрукты, кишмишъ, урюкъ, шефтала, миндаль и пр.; были привозимы также и азіатскіе ситцы, но они не пошли въ ходъ, такъ какъ оказались плохими.

Весь оборотный капиталъ торговли форта № 1-й, по всемъ товарамъ, можно положительно считать не менѣе 400,000 руб. сер.

Грунтъ земли въ окрестностяхъ Казалы весьма удобенъ для хлѣбопашества, при систематическомъ орошеніи, посредствомъ канавъ. Окружные поселенцы съ успѣхомъ засѣваютъ пшеницу, рожь, ячмень и просо, но они не въ состояніи удовлетворить потребностямъ уже одной Казалы, не только-что другихъ нашихъ фортовъ. Сосѣдніе Киргизы, получившіе возможность выгодно сбывать сюда свои произведенія, спознали пользу отъ земледѣлія, такъ что, обезпеченные теперь отъ насильственной баранты и грабежа Хивинцевъ и Коканцевъ, своеволие которыхъ обуздано стараніями нашего правительства, они все болѣе и болѣе обращаются къ земледѣлію. Но, въ большинствѣ случаевъ, обработка полей ведется у нихъ самымъ первобытнымъ способомъ—вскапываніемъ лопатой; только въ позднѣйшее время, побогаче земледѣльцы стали обзаводиться сохами, телѣгами, упряжью и пр. Еще рѣже, но все-таки уже строятся мельницы, замѣняя собой не менѣе первобытный способъ помола, а именно толченіе въ ступѣ сыраго зерна или размельченіе обжареннаго въ чугунномъ котлѣ. Устройство мельницъ, кромѣ физическихъ препятствій, затруд-

няется нежеланіемъ перетаскивать волокомъ, на протяженіи болѣе 800 верстъ, каждое бревно, покупаемое дорогою цѣной на оренбургской линіи. Все описанное мною начало развиваться преимущественно въ послѣднее время, характерно называемое не только здѣсь, но и во всей Средней Азіи, Бухарѣ, Коканѣ, Туркестанѣ, Ташкентѣ, Хивѣ и прочихъ мѣстахъ,—«черниевскимъ»: развитіе это усилилось послѣ того, какъ, съ одной стороны, были оставлены, дорого стоившія и никакъ неудававшіяся, попытки искусственнаго водворенія и возбужденія земледѣлія въ предписанныхъ мѣстностяхъ; а съ другой, мѣстное начальство стало отрѣшаться отъ принятой было системы—недостаткомъ въ хлѣбѣ держать Киргизовъ въ болѣе зависимости и отказомъ въ продажѣ его обуздывать ихъ строптивость.

Огородничество положено также не безуспѣшное начало въ Казалахъ. На огородахъ гарнизона весьма хорошо растутъ капуста, картофель, боклажалы (земляная груша), брюква, свекла, рѣпа, морковь, лукъ, чеснокъ, петрушка, сельдерей и прочія овощи. Бакчи, или по-

нашему дыни и арбузы, родятся въ этихъ огородахъ въ изобиліи и высокаго качества, особенно дыни, которыя доходятъ до громадныхъ размѣровъ, прекраснѣйшаго вкуса и чрезвычайнаго аромата. Въ казенномъ огородѣ еще въ 1859 году, засажены лозы бухарскаго винограда, которыя въ 1863 году, дали отличнаго качества винограда болѣе 10 пудовъ; въ 1864 году, вслѣдствіе дурной весны и плохаго лѣта, винограда было собрано только около 3 пуд.; но затѣмъ онъ сталъ опять родиться очень успѣшно, каждагодно давая новыя отроки и развивая новыя высадки.

При фортѣ № 1-й производились также опыты разведенія хлопка, но только въ незначительныхъ размѣрахъ. Въ 1862 г. казенный наемный огородникъ изъ Персіянъ сдѣлалъ первыя попытки и получилъ хлопокъ совсѣмъ созрѣвшій и хорошаго качества. Въ 1863 г. засѣянъ былъ хлопокъ однимъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ на пространствѣ болѣе 2 десятинъ; уходомъ за нимъ завѣдывалъ знакомый съ дѣломъ Персіянинецъ, бѣжавшій бухарскій плѣнникъ. Всѣ жившіе тогда въ Казалѣ любовались какъ всходомъ простаго хлопка, такъ и наливомъ шишекъ; но ранняя осень и преждевременные холода не дали созрѣть шишкамъ, такъ что было собрано только 23 фунта хлопка, по отзыву знатоковъ, весьма хорошаго качества. Въ 1864 г. производилъ тѣ же опыты проживающій въ Казалахъ отставной полковникъ Михайловъ, на части уступленныхъ ему 100 десятинъ, но и у него результаты были также мало успѣшны. Причину тому надо искать въ неудовлетворительности состоянія погоды въ эти года, но не въ общемъ характерѣ климата, хотя, дѣйствительно, сильно измѣнившася въ послѣднее время по всему верховью Сыра, особенно въ сравненіи съ 50-ми годами. Въ послѣдніе годы зимы были чрезвычайно суровы, продолжались съ конца декабря до начала марта безъ оттепелей; холода держались около 8° Р., но бывали и продолжительные морозы въ 25°. Даже лѣтніе невыносимые прежде жары какъ бы поуѣбрились въ эти годы и самое лѣто какъ будто сократилось.

О размѣрахъ будущаго развитія и значенія форта № 1 ничего нельзя сказать положительнаго въ настоящее время. Но не подлежитъ сомнѣнію, что мѣстность около форта хлѣбородна и пригодна для весьма разнообразныхъ произведеній; что живущіе около него туземцы, Киргизы, народъ трудолюбивый и способ-

ный къ воспріятію цивилизаціи, но не изъподъ палки, такъ что можно надѣяться, что въ скоромъ времени весь потребный провіантъ для гарнизоновъ можетъ быть съ выгодой пріобрѣтаемъ на мѣстѣ. Это снабженіе въ свою очередь должно способствовать развитію благосостоянія туземцевъ, все шире распространять и укоренять въ нихъ любовь къ осѣдлой жизни, къ постояннымъ занятіямъ и даже къ образованію. Доказательствомъ справедливости этого замѣчанія можетъ служить обученіе въ Казалахъ дѣтей Киргизовъ священникомъ Ергоновымъ. Онъ исключительно на свои собственные скудные средства, безъ всякой помощи отъ начальства (хотя, нужно сознаться, весьма умѣстной бы и полезной въ этомъ случаѣ), устроилъ школу, въ которой и обучаетъ малолѣтнихъ и взрослыхъ неграмотныхъ молитвамъ, письму, чтенію и всякимъ другимъ пріобрѣтеннымъ имъ самимъ знаніямъ. Безъ всякой посторонней помощи, онъ въ настоящее время обучаетъ 20 мальчиковъ, изъ нихъ 10 человекъ дѣтей Киргизовъ. Къ сожалѣнію, школа его сильно нуждается не столько въ матеріальныхъ средствахъ, сколько въ учебныхъ пособіяхъ: всякая азбука, всякая книга учебная, даже всякая стопа писчей бумаги и другихъ принадлежностей письма, отосланныя къ нему, могутъ принести въ его рукахъ гораздо существеннѣйшую пользу для всего края, нежели сотни штыковъ, отданныя въ распоряженіе славолюбиваго военно-начальника.

Вообще роль Казалы въ развитіи туземныхъ народовъ достигла уже и теперь важнаго значенія, и еще болѣе можетъ обѣщать въ будущемъ. Никто не станетъ оспаривать, что только съ возведеніемъ здѣсь нашихъ укрѣпленій явилась для Киргизовъ возможность и дѣйствительная потребность обратиться къ земледѣльческому промыслу, что только по мѣрѣ нашего укрѣпленія въ этой мѣстности трудовая жизнь пріобрѣтаетъ развитіе и, такъ сказать, гражданственность. Но не должно забывать, что какъ быстро меркнетъ военная слава, такъ же недолговѣчны и плоды ея кровавыхъ подвиговъ. Побѣжденный или покоренный народъ только тогда легко мирится со своею участью, когда ему указываютъ ближайшіе пути къ дальнѣйшему благосостоянію. Взаимное благо побѣжденных и побѣдителей упрочивается только тѣмъ, что побѣдитель способствуетъ развитію промысловъ, удовлетворяющихъ первымъ насущнымъ потреб-

ностямъ, и образованію, питающему духовную сторону жизни. Настоящее, быстро двинувшееся, развитіе Киргизовъ еще разъ доказываетъ, какъ бесполезно и безплодно всякое насильствование народныхъ нуждъ и обычаевъ, и что только одно естественное развитіе приводитъ къ желанной цѣли.

Въ окрестностяхъ Казалы чувствуется положительный недостатокъ въ лѣсныхъ строительныхъ матеріалахъ и въ топливѣ. Скудная березовая поросль, *колоушка*, едва годится на топливо, но и она собирается съ жадностію, несмотря даже и на то, что ее нельзя рубить иначе, какъ въ толстыхъ кожаныхъ рукавицахъ. Но и при этомъ неудобномъ условіи, *колоушка* ежегодно вырубается вся до послѣдняго куста; на слѣдующій годъ она вырастетъ такою мелкою, что рубка ея возможна только при казенныхъ безплатныхъ рабочихъ, а по вольнонаемной работѣ она обошлась бы крайне дорого. Камыша и *кучи*, въ первое время возведенія форта, было достаточно, да еще съ избыткомъ, такъ что отъ заготовки онъ оставался къ лѣту; но умноженіе населенія и трехлѣтнее маловодье Сыра (съ 1859 по 1862 г.), уменьшили камышъ и *кучу* до того, что зимою для охраненія его отъ разграбленія выставляется караулъ. *Сиксаулъ*, прекрасное топливо и въ изобиліи произраставшее прежде, въ настоящее время совсѣмъ извелось около форта, и за добычей его приходится уже ѣздить почти за 100 верстъ, такъ что онъ заготавливается теперь Киргизами за значительную плату, и только для пароходовъ, да и это не долго продлится.

Недостатокъ какъ въ топливѣ, такъ и въ строительныхъ матеріалахъ, привозимыхъ изъ Оренбурга или изъ окрестностей форта Перовскаго, а потому и крайне дорогихъ, препятствуетъ отчасти установленію осѣдлой жизни между Киргизами, хотя нельзя не замѣтить, что въ послѣднее время, особенно послѣ суровыхъ зимъ, — они стали замѣтно склоннѣе къ осѣлости. Впрочемъ, въ районѣ форта начали въ на-

стоящее время заводится домики азіатской архитектуры. Тотъ же недостатокъ строительныхъ матеріаловъ производитъ недостатокъ въ помѣщеніяхъ. Потолки, которые въ то же время служатъ и крышами, дѣлаются изъ камышевыхъ палокъ, смазываемыхъ глиною, перемѣшанною съ изрубленнымъ мелко камышомъ, и кладутся на крайне тонкія балки; полы складываются изъ сырцоваго кирпича, и то только въ домахъ чиновниковъ и людей зажиточныхъ, а у прочихъ изъ убитой и утрамбованной земли. Такія строенія дѣлаютъ жизнь въ фортѣ весьма опасною для здоровья и крайне непріятною. Не забудемъ еще разныхъ насѣкомыхъ, удобно разводящихся какъ отъ камыша, такъ и отъ самаго грунта, какъ будто нарочно созданнаго для разведенія блохъ.

Недостатокъ лѣса и топлива еще долго будетъ главнымъ препятствіемъ къ развитію здѣсь промышленности и фабричнаго производства. Кстати говоря, нельзя не пожалѣть и о томъ, что ни промышленность, ни фабричность не пользуются милостями мѣстнаго начальства. Приведу хоть одно тому доказательство: мануфактуристы братья Х... привезли въ одинъ изъ ближайшихъ къ Казаламъ фортѣвъ, кажется, въ Джуленъ, шелкоразмотные станы. Понятно, что станы эти пришли въ такомъ видѣ, что для поправленія и установки ихъ понадобились столяры и слесаря. Подобныхъ мастеровъ можно отыскать только между строевыми солдатами; фабриканты случайно узнали, что на базарѣ, каждодневно, гуляютъ безъ дѣла два отпускныхъ солдата, которые знаютъ это мастерство. Ихъ тотчасъ же розыскали, показали работу, и солдаты взялись ее сдѣлать за значительную посуточную плату (болѣе 1 р. въ сутки); они

проработали уже нѣсколько сутокъ, какъ вдругъ узнало о томъ начальство и запретило имъ работу. Долго никакія просьбы завѣдывавшаго новою фабрикой не могли склонить его отменить свое запрещеніе; оно было снято послѣ многихъ, долгихъ, окольныхъ хожденій. Конечно, такое покровительство вновь возникающимъ и небывалымъ въ краѣ производствамъ не можетъ подвинуть успѣхи промышленности, если бы не было даже и другихъ препятствій.

При такой обстановкѣ, можно утверждать, что фабрично-промышленное развитіе этого края возможно развѣ только въ отдаленномъ будущемъ, и *Казаламъ* суждено скорѣе быть важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ. Но и тутъ не должно забывать, что настоящее движеніе торговли здѣсь нельзя еще считать нормальнымъ. Можетъ - быть, только кризисъ хлопка вызвалъ усиленное движеніе и перевалку его въ Казалахъ, лихорадочно оживилъ торговлю форта; легко можетъ быть, что, съ сокращеніемъ требованій на нашихъ рынкахъ бухарскаго хлопка, караваны, попрежнему, будутъ проходить прямо въ Оренбургъ; такимъ обра-

зомъ Казалы должны будутъ лишиться значительнаго оборотнаго капитала по найму верблюдовъ, и вся торговля ихъ ограничится потребностями живущихъ въ фортѣ и поселившихся въ его окрестностяхъ. За всѣмъ тѣмъ можно утвердительно сказать, что Казалы всегда останутся лучшимъ пунктомъ на низовьяхъ Сыра, какъ болѣе удобнымъ и болѣе центральнымъ, для умиротворенія этого все еще не вполне успокоеннаго края, и что здѣсь именно должна будетъ сосредоточиться администрація его.

Въ заключеніе очерковъ Казалы, мнѣ остается поименовать тѣ азіатскіе товары, которые сюда привозятся. На первомъ планѣ стоятъ мата, бязь, канифасъ, канфа, а также сырой шелкъ и бумажная пряжа; далѣе ковры, попоны, халаты, ермолки, чалмы, пояса, кожанная обувь, конская збруя, кожаные шаровары и азіатскіе мѣха, быстро раскупавшіяся. Привозились сюда также, въ 1862 г., Бухарцами и англійскіе ситцы, получаемые чрезъ Кабуль, но они оказались дурнаго качества и теперь попадаютъ рѣдко.

При перевалкѣ товаровъ въ Казалахъ, рядъ идетъ точно такъ же, какъ и въ Оренбургѣ или самой Бухарѣ, на 16 пудовъ, такъ какъ и здѣсь верблюды дѣлятся на сильныхъ, полусильныхъ и малосильныхъ. Обыкновенно, всѣ товары, азіатскіе и русскіе и какого бы рода они ни были, унаковываются въ тюки по 8, 6 и 4 пуда. Киргизъ-вожакъ распредѣляетъ эти тюки попарно на каждого верблюда, смотря по его возрасту и силѣ. Онъ блюдетъ за ними и въ дорогѣ, часто перемѣняетъ и перекладываетъ тюки, соображаясь со степенью усталости, и съ особенною любовью и страстью ухаживаетъ за верблюдами. Но, къ его нескончаемому отчаянію, несмотря на всѣ принимаемыя предосторожности и частыя смѣны кошмъ (войлоковъ) подъ сѣдломъ, верблюды перетираютъ себѣ спины до ранъ, въ которыхъ заводятся особые бѣловатые черви, противъ чего Киргизы употребляютъ промываніе свѣжею водою и смазываніе бараньимъ саломъ. Особенно изнурителенъ и тягостенъ, какъ для верблюдовъ, такъ и для всего каравана, трудный путь изъ Казалы въ Бухару по пескамъ Кызымъ-Кума.

Изъ Казалы, какъ мы уже видѣли, идутъ два

пути **): одинъ на Ташкентъ, болѣе удобный, по правому берегу Сыра или не въ далекомъ отъ него разстояніи, слѣдовательно безъ особой нужды въ водѣ; а другой, весьма трудный, черезъ степь Кызымъ-Кумъ. Онъ особенно тягостителенъ въ лѣтнюю пору, когда, при 40 и 45° Р. жара, пески такъ накаиваются, что нѣтъ никакой возможности ступить по нимъ, даже въ войлочныхъ саноггахъ, а ноги верблюдовъ уходятъ въ песокъ до 8 вершковъ. Хотя столь тяжелый путь не слишкомъ длиненъ, однако значительное число верблюдовъ не переносятъ этого перехода, падаетъ отъ изнуренія и становится добычею степныхъ птицъ, которыя въ свою очередь служатъ пищею для каравана.

На переходѣ чрезъ Кызымъ-Кумъ первый маякъ есть Казы-мулла (могила Казы), какъ

**) Въ 1867 г. Хлудовскій караванъ прошелъ изъ Орска по новому, кратчайшему пути, минуя Казалы, прямо на Ташкентъ, такъ что и фортъ Карабутакскій остался вправѣ. Этотъ путь, о которомъ мы скорѣе сообщимъ со всѣми подробностями, до того понравился Киргизамъ, что они дали себѣ слово всегда слѣдовать имъ.

предвѣстникъ приближенія къ горному хребту Капканъ-тау, видимому за 80 верстъ. При видѣ этого маяка, единственнаго отдыха послѣ утомительнаго однообразія песковъ, какъ-то легче становится на душѣ; весь караванъ бодрѣетъ и какъ бы возобновляетъ свои силы при одной мысли о близости свѣжей воды. Еще далѣе, при урочищѣ Кокъ-потинъ, встрѣчаются зеленѣющія деревья и колодезь съ минеральною водою, надо полагать, сѣрнистою; вода въ этомъ колодезѣ лѣтомъ черезчуръ холодна, а зимою очень тепла. Караванъ непременно останавливается около колодца, и каждый мусульманинъ считаетъ своею священою обязанностью выкупаться въ водѣ колодца, чтобы омыть свои грѣхи отъ соприкосновенія съ невѣрными и возвратиться чистымъ къ правовѣрнымъ. Съ этого же колодца караванъ-баша, или начальникъ каравана, посылаетъ чапара (курьера) къ бухарскому начальнику торговли, съ заявленіемъ о счастливомъ прибытіи каравана во столько-то верблюдовъ, со спискомъ именъ прибывшихъ хозяевъ, прикащиковъ и прислуги и съ поясненіемъ количества кишъ или тюковъ и названія товаровъ каждаго хозяина особо.

Наконецъ въ мѣстечкѣ Качатанъ караванъ долженъ ожидать встрѣчи *зекетчей* (сборщиковъ таможенныхъ пошлинъ). Нерѣдко прѣзжаетъ и самъ таксабай, ихъ начальникъ; всѣ они постоянно являются на бѣлыхъ лошадяхъ, покрытыхъ красными чепраками, что и составляетъ ихъ отличіе. Всегда вѣжливые и учтивые, зекетчи лично отбираютъ отъ каждаго купца показанія о числѣ мѣстъ, названіи, качествѣ и количествѣ товара, вскрываютъ по своему выбору нѣсколько мѣстъ, провѣряютъ число кусковъ и пудовъ, къ каждому мѣсту прикладываютъ свою печать и провожаютъ караванъ до самой Бухары. Въ Бухарѣ присяжные маклеры дѣлаютъ оцѣнку привезенному товару по состоящимъ на мѣстѣ цѣнамъ, сообщаютъ ихъ таксабай, а равно и торгующему купечеству; оцѣнка ихъ всегда вѣрна, ибо солгать они никакъ не могутъ: въ случаѣ открытія, ложъ жестоко преслѣдуется, и виновный, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, наказывается смертию, — его или попросту зарѣзываютъ, или до смерти забиваютъ палками. Сообщенную цѣну таксабай записываетъ у себя въ книгу и передаетъ объ этой оцѣнкѣ къ свѣдѣнію самому купцу.

Приведенный такимъ образомъ въ извѣстность, вовсе не клейменный, товаръ поступаетъ въ полное распоряженіе хозяина; онъ получаетъ

послѣ того право распоряжаться продажей его какъ угодно, безъ всякаго стѣсненія. Пошлина же собирается по распродажѣ. Хозяинъ товара обязанъ только заранѣе назначить тотъ караванъ-сарай, гдѣ онъ намѣренъ производить торговлю, и дать адресъ мѣста, гдѣ будетъ самъ имѣть мѣстопребываніе. *Сарай-малъ* (хозяинъ подворья, гдѣ сложенъ товаръ) наблюдаетъ за всемъ ходомъ торговли привезеннаго товара, и ни одинъ шагъ кунца не укроется отъ взоровъ этого аргуса: ни утаить, ни пропустить онъ никакъ не можетъ, ибо самъ первый подлежитъ за это наказанію смертию. По распродажѣ привезеннаго товара, на сарай-малъ лежитъ обязанность донести о томъ таксабай, который и посылаетъ своего чиновника, чтобы взывать пошлину съ вырученнаго отъ продажи капитала по 5% съ иностранцевъ и по 2½% съ мусульманъ.

Чтобы судить о количествѣ пошлинъ въ Бухарѣ съ нашихъ русскихъ товаровъ, необходимо знать состояніе тамошнихъ цѣнъ; но въ этомъ случаѣ я могу сообщить цѣны 1862 г. и для сравненія ихъ приведу цѣны 1867 г.; но приравляясь къ тамошнимъ мѣстнымъ мѣрамъ, сообщу ихъ на теньгу, собственно равную нашему четвертаку (въ нашемъ рублѣ серебряномъ считаютъ 4 теньги), но въ размѣнѣ и мелочной жизни плущую по большей части замѣнъ нашего двугривеннаго. Въ 1862 г. цѣны стояли на пряжу бумажную фабрики Рейтъ № 38/40 — 20 тенегъ за пачку въ 10 англ. фунтовъ (1 англ. ф. = 1,115 русск. ф.), а прочихъ фабрикъ № 38/40 — 19 тенегъ за пачку; ситецъ Посылина — 19 тен. за кусокъ въ 43 арш. (большею частію высшіе сорта шириною около аршина и низшіе на 2 и 4 вершка менѣе), ситецъ Гондурина и Баранова — 18 тен. за такой же кусокъ, Коновалова — 17 тен. Платки за 100 штукъ пунцовые мѣрою 6/4 и 7/4 фабр. Баранова — 200 тен., зеленые въ 6/4 — 90 тен. и въ 7/4 — 120 тен. Коленкоръ бѣлый 3/4 отъ 3,32 до 4 тен. за кусокъ въ 13 арш. Тики: Рябинина — 42 тен. за кус. въ 40 арш., Овсянникова — 38 и Веденеева — 35 тенегъ. Чана мебельная Рябинина 32 тен. за 40 арш. Сукно въ 1,000 зубовъ — 80 тен. за половинку въ 20 аршинъ, въ 1,200 з. — 110 т., сукно фабрики Оскиова — 78 тен. и лучшее — 210 тен. за половинку. Сахаръ рафинадъ въ большихъ головахъ 42 тен. за пудъ и въ мелкихъ гол. 47 тен.; леденецъ 50 тен. Шерсть гарусная пунцовая — 210 тен. за пудъ. Сѣмя концелярское черное — 220 тен.

и бѣлое—200 тен. за пудъ. Литры или пряженое серебро для разныхъ вышивокъ за каждую штуку вѣсомъ 60 золотн.: фабрики Алексѣева—85 тен., Болотина 80 тен., Мадоева 75 тен. и Хухлина 70 тен. Мишура за пудъ: Болотина—320 тен., Кошѣйкина 300, Мадоева 1-й сортъ—360, а 2-й и 3-й с.—320 тен. Бить—160 тен. за пудъ. Бисеръ красный 100 тен. за пудъ. Купоросъ зеленый 35 тен. за пудъ. Бумага писчая за стопу № 1-й—10 тен., № 2-й—6 тен. и оберточная—4 тен. Воскъ бѣлый 180 тен. за пудъ. Чернильные орѣшки—50 тен. за пуд. Мѣдь листовая 45 тен. за пудъ. Желѣзо полупрутковое и полуполосовое 130 тен. за 16 пуд. Чугунные котлы—145 тен. за 16 пуд. Сталь укладъ—220 тен. за 16 пуд. Шпиаутеръ—520 тен. за 16 пуд. Олово 60 тен. за пудъ. Мѣдныя самовары—135 тен. за пудъ; мѣдн. подносы 75 тен. за пудъ; мѣдн. подсвѣчники—105 т. за пудъ. Юфть кунгурская—200 тен. за 10 п. и уфимская—160 тен. за 10 пуд.

Впрочемъ, надо сказать, что означенная разница въ цѣнахъ по сортамъ не имѣетъ въ Бухарѣ такой пунктуальной точности, какую привели видѣть въ ней европейскіе торговцы: она имѣетъ значеніе только тогда, когда одинаковаго товара накопилось много. Тогда Бухарцы выбираютъ по лавкамъ и берутъ тотъ, который считаютъ лучшимъ и который обозначенъ у насъ высшею цѣною, и уже послѣ того, какъ закупить высшіе сорта, принимаются покупать и низшіе по меньшей оцѣнкѣ. Если же какого товара въ недостаткѣ, то во время спроса и низшіе сорта идутъ по одинаковой цѣнѣ съ высшими или товары болѣе уважаемыхъ ими фирмъ.

Въ прошломъ же году въ Бухарѣ стояли цѣны на пряжу бумажную утокъ и медіо №³⁸/₁₀ фабрикъ Рейтъ и Ледеръ за пачку въ 10 англ. фунтовъ отъ 36 до 40 тенегъ, другихъ же фабрикъ отъ 25 до 30 т.; но нѣсколько ранѣе и у насъ стоявшихъ высокихъ цѣнъ, пряжа Рейтъ и Ледеръ доходила до 60 т. и другихъ ф. до

50 т. Ситцы, сорта саксонскіе и одрисскіе, иначе называемые короткомѣрные, цѣнились въ 30 т. за кусокъ въ 43 арш.; они же фабрики Борисова, Калужскаго и др., въ случаѣ достатка первыхъ, шли по 28 т. за кусокъ въ 43 арш.; и высшіе сорта, какъ Третьяковскіе и всѣ подходящіе къ нимъ Каретникова, Цинделя, Гюбнера и пр., шли по 30 и 31 тенгъ. Сарпинка, которая вообще тамъ была въ большомъ спросѣ, разцѣнивается обыкновенно за кусокъ въ 40 арш. и съ фабр. Солодовникова шла по 30 тенегъ за кусокъ. Платки пунцовые ф. Баранова и Зимина мѣрою $\frac{6}{4}$ цѣна за 100 штукъ 250 т., а въ $\frac{7}{4}$ отъ 260 до 275 т.; платки зеленые—кубовые вообще всѣхъ фабрикъ, но преимущественно Лопатина, мѣрою въ $\frac{5}{4}$ цѣна 130 т. за 100 шт., въ $\frac{6}{4}$ отъ 180 до 200 т., и въ $\frac{7}{4}$ отъ 200 до 220 т. Также въ хорошемъ спросѣ были зонты или ланкорты разныхъ фабрикъ и шелъ по цѣнѣ въ $\frac{5}{4}$ по 20 т. за кусокъ въ 30 арш., $\frac{6}{4}$ —24 т., $\frac{7}{4}$ —40 т. и $\frac{8}{4}$ —48 т. за кусокъ. Тики высокосортные ф. Морозова, Богомазова и др. продавались по 60 т. за кусокъ въ 40 арш., фабр. Мануилова и вообще всѣ первосортные 58 т. за кусокъ и они же 2-го сорта съ фабр. Рябинина, Овсянникова, Веденеева и др. 40 т. за кусокъ; но надо прибавить, что эти сорта продавалось прошлый годъ очень туго и почти всѣ остались на рукахъ непроданными. Сукно ф. Осипова и Ремизова продавалось сначала по 160 т. за половинку въ 20 съ небольшимъ аршинъ, а потомъ упало въ цѣнѣ до 130 т., фабрики же Чернышевыхъ вообще 2-го сорта продавалось по 115 и по 110 т. за половинку. Сахаръ на бухарскомъ рынкѣ сильно колебался въ цѣнѣ прошлаго года и продавался то по 50, то по 70 т. за пудъ. Наконецъ упомяну о сѣмени концелярскомъ, которое продавалось: черное по 300 т. за пудъ, но потомъ вскорѣ поднялось до 450 тен.; точно такъ же поднялось и сѣрое, хотя всегда цѣнится Бухарцами дешевле тенегъ на 50.

Казанскій.

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАНИЕ.

1870
6
ПЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-ая.

ИЮНЬ, 1870.

ПЕТЕРБУРГЪ.

НОВЫЙ ШАГЪ

ВЪ

СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Въ концѣ прошлаго года войска наши заняли Красноводскій заливъ на Каспійскомъ морѣ. Событіе это первостепенной важности, хотя для осуществленія его и потребовалось весьма мало силъ; но, можно думать, что послѣдствія его должны быть многосторонни и весьма значительны. Это — новый путь, или вѣрнѣе сказать, новый источникъ, но спрашивается чего?

Чтобы разъяснить этотъ вопросъ съ надлежащею полнотою, необходимо бросить бѣглый взглядъ на мѣстность, нами занятую, въ связи съ окружающими странами и народами. Я плавалъ по Каспійскому морю не болѣе двухъ разъ, и потому не считаю себя компетентнымъ судьей относительно качествъ этого моря и плаванія по немъ; но что касается Киргизской степи, то я странствовалъ по ней и изслѣдовалъ ее во всѣхъ направленіяхъ. Это даетъ мнѣ право присоединить свое мнѣніе ко многимъ другимъ, выраженнымъ въ нашей печати по вопросу, важность котораго для нашей будущности на Востокъ понята всѣми, а нѣтъ сомнѣнія, что эта будущность зависитъ вполне отъ правильности перваго шага.

Красноводскій заливъ находится въ юго-восточной части Каспійскаго моря, и территорія его составляетъ часть кочевьевъ туркменскаго народа, который занимаетъ всю мѣстность на югъ и востокъ отъ него, съ одной стороны до границъ Персін, т.-е. до рѣки Гюргена и отраслей горъ, съ другой — до предѣловъ Хивы и крѣпости Чарфъ-нуй на Аму-Дарьѣ. Средоточіемъ туркменскихъ кочевовъ, хотя не въ смыслѣ географическомъ, можно считать страну между разрушеннымъ городомъ Мервъ на низовьяхъ рѣки Мургабъ и рѣкою Атрекъ. На-

Родъ этотъ извѣстенъ въ Средней Азіи какъ воинственный, а на языкѣ европейца справедливѣе можетъ быть названъ разбойническимъ. Наклонность туркменовъ къ разбою, конечно, обуславливается окружающими физическими условіями и степенью ихъ культуры. Занимая почти совершенно безплодную пустыню, въ сосѣдствѣ странъ, сравнительно богатыхъ и населенныхъ народами, нравственно и физически слабѣйшими, туркмены не могли не сдѣлаться грабителями по призванію. Этой профессіей они занимаются искони, и пока сосѣди ихъ не заставляютъ себя уважать, до тѣхъ поръ и они будутъ продолжать свою самую выгодную и легкую работу. Народъ этотъ, какъ и всякій другой, при измѣнившихся условіяхъ перестаетъ быть исключительно разбойничьимъ, что подтверждается опытомъ надъ переселенными изъ Хивы на низовья Аму-Дарьи іомудами. Іомуды, хотя нѣкоторое время составляли весьма непокойныхъ подданныхъ Хивы, однако теперь живутъ мирно, какъ и остальные кочевые народы, подвластные хивинскому хану.

Занявъ теперь часть земли туркменовъ, мы очевидно имѣемъ цѣль проложить чрезъ нее ближайшій и безопасный торговый путь въ Хиву и далѣе въ Среднюю Азію, рассчитывая, что Каспійскимъ моремъ подвозъ товаровъ будетъ дешевле, и что сухопутная дорога изъ Красноводскаго залива до Аму-Дарьи короче, чѣмъ съ оренбургской линіи до той же рѣки или до Бухары. Разсматривая это предположеніе, въ нашей печати не разъ заявляли о возможности провести рѣку Аму-Дарью въ Каспійское море, и не мало находится людей, повидимому компетентныхъ, совершенно увѣренныхъ въ томъ, что Аму-Дарья, въ сравнительно недавнее время, впадала въ море, и что стоить только намъ пожелать, и рѣка тотчасъ обратится въ покорнаго данника Каспія.

Остановимся на минуту, чтобы разъяснить этотъ вопросъ, или хотя бы поставить его опредѣлительнѣе.

Исходною точкою мечтающихъ объ обращеніи Аму-Дарьи въ Каспійское море обыкновенно служатъ факты, сообщенные древними географами; однако никто изъ нихъ положительно не утверждаетъ, что онъ видѣлъ рѣку эту впадающею въ Каспійское море, такъ что всѣ эти такъ-называемые факты, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются скорѣе преданіями и сказками. Затѣмъ слѣдуютъ показанія Муравьева и другихъ путешественниковъ о видѣнномъ ими сухомъ руслѣ, и наконецъ рассказы о томъ, что хивинцы изъ опасенія прихода русскихъ запрудили рѣку и отклонили ее въ Аральское море. Противъ повѣствованій очевидцевъ о существованіи стараго русла вельзя возражать; но остается только вопросъ: дѣйствительно ли эта видѣнная ими долина есть старое теченіе Аму-Дарьи? Подобнаго рода слѣды бывшихъ протоковъ можно видѣть и въ другихъ частяхъ арало-

каспійской низменности; напримѣръ, въ такъ-называемой голодной степи, между фортомъ Перовскій и Тургайскомъ, существуетъ сухой протокъ Иске-Дарьялыкъ (старый Дарьялыкъ), названіе котораго какъ бы указываетъ на связь съ Сыръ-Дарьею, а между тѣмъ связи такой не существуетъ. Что касается запруды, то извѣстно, что въ нынѣшнемъ столѣтіи запруду у города Кюня-Ургендонъ—она-то и считается причиною отклоненія рѣки—прорвало водою, и что вода послѣ этого потекла въ западномъ направленіи, т.-е. какъ бы къ Каспійскому морю, однако, пройдя нѣсколько десятковъ верстъ, сама собою остановилась, далеко не дойдя до Каспія. Впрочемъ, вообще трудно предположить, чтобы хивинцы были въ состояніи отклонить такую огромную рѣку, какъ Аму-Дарья; невѣроятно также, чтобы кочевавшіе въ то время на этой мѣстности народы дозволили безпрепятственно отнять у себя воду, т.-е. необходимое условіе безбѣднаго существованія; наконецъ, какимъ образомъ искусственное сооруженіе, въ нашемъ случаѣ запруда, было построено такъ прочно, что съ самаго своего возникновенія не требуетъ болѣе поддержки; можно было бы скорѣе предположить, что такая работа будетъ нуждаться въ частомъ и значительномъ ремонтѣ. Безъ сомнѣнія, запруда эта могла быть исполнена только по распоряженію власти, а слѣдовательно народъ очень хорошо помнилъ бы значительность и тягость работы, и вѣроятно сохранилъ бы о ней какое-либо преданіе, не говоря уже о томъ, что необходимыми періодическія поправки постоянно напоминали бы народу о повинности, но мы знаемъ, что такой повинности собственно для запруды Аму-Дарьи не существуетъ.

Разсмотримъ теперь географическое положеніе всей этой мѣстности. Она лежитъ почти на одной широтѣ съ главной полосой вулканическихъ явленій въ Европѣ, гдѣ подъемы и погруженія материка, въ историческія времена, доказаны фактами, именно: южной Италіей, Архипелагомъ и Кавказомъ. На востокъ отъ Каспія слѣды вулканическихъ, хотя весьма медленныхъ, подъемовъ видны далеко внутри материка Азіи. Низовья рѣки Сыръ-Дарьи не безъ причины отклоняются медленно, но постоянно къ сѣверу; южные рукава ея, Яны и Кувань-Дарьи, текутъ далеко не съ прежнимъ обиліемъ воды, и не доходятъ до Аральскаго моря, какъ я лично убѣдился, отнюдь не вслѣдствіе человѣческихъ успій, но по причинѣ болѣе сильныхъ двигателей, еще вполне неразслѣдованныхъ. Вновь занятая нами страна около Ташкента подвержена весьма частымъ землетрясеніямъ. Однимъ словомъ, все показываетъ намъ, что причину отклоненій и измѣненій теченія рѣкъ въ этомъ помѣстѣ, а къ нему принадлежать и низовья Аму-Дарьи, должно искать въ геологическомъ строеніи этой страны, а не гоняться за дешевымъ объясненіемъ, хотя съ перваго взгляда весьма простымъ и понятнымъ. Наконецъ, въ пользу измѣненія теченія во времена до-

историческія говорятъ отчасти тотъ отрицательный историческій фактъ, что на предполагаемомъ устьѣ этой рѣки никогда не было большаго населенія или города, что однако по всей вѣроятности случилось бы, еслибъ она служила когда-либо торговымъ путемъ изъ Индіи. При этомъ не могу не указать на одинъ примѣръ шаткости объясненій физическихъ явленій усиліями человѣческихъ рукъ. Очень недавно, по случаю открытія Суэзскаго канала, въ книгѣ, специально посвященной этому предпріятію, говорится, что старыя устья Нила заносились пескомъ по мѣрѣ того, какъ лежащія на нихъ большіе города разорялись; не правдоподобнѣе ли будетъ предположить, что города приходили въ упадокъ и переселялись вслѣдствіе засоренія рѣки. Конечно, такое объясненіе было бы рациональнѣе, но такъ какъ оно изображаетъ поднятіе страны, гдѣ прорыть новый каналъ, а слѣдовательно предвѣщаетъ этому послѣднему плохую будущность, то въ книгѣ, писанной въ пользу этого предпріятія, предпочли упомянутое объясненіе, т.-е., что города обуславливаютъ теченіе рѣкъ, а не рѣки положеніе городовъ.

Между тѣмъ, и у насъ не прочь сулить журавля въ небѣ, чтобы пощекотать народное самолюбіе, а мимоходомъ пощупать и карманы соотечественниковъ; надо было поднять курсъ акцій; но я думаю, что будущій городъ нашъ на Каспій, при устьѣ Аму-Дарьи, принадлежитъ отчасти къ породѣ газетной водяной птицы.

Но возвратимся къ главному предмету. Потечетъ или не потечетъ Аму-Дарья въ Каспій, однако въ обоихъ случаяхъ намъ придется прокладывать дорогу къ Хивѣ, и, проложивъ дорогу, утвердиться въ какомъ-нибудь пунктѣ на рѣкѣ. Допустимъ, что мы такъ или иначе устранили физическія препятствія: провели рѣку Аму-Дарью или вырыли по дорогѣ колодези, однимъ словомъ, устроили путь, остается еще вопросъ охраненія новаго пути. Конечно, мы въ этомъ дѣлѣ люди опытные, проложили же мы путь чрезъ Киргизскую степь, а условія здѣсь, въ землѣ Туркменской, въ извѣстной степени тѣже, только воды и растительности еще меньше, и страна отдаленнѣе отъ нашихъ границъ. Но дѣлать нечего, проложивъ путь надо его сдѣлать безопаснымъ, иначе торговля по немъ не пойдетъ; для этого конечно надо заставить слушаться туркменовъ, а намъ хорошо извѣстно, что всѣ эти народы только тогда повинуются, когда имъ физическою возможностью оказать неповиновеніе: примѣромъ могутъ служить Башкирія и Киргизская степь. Ограничиться постройкою укрѣпленныхъ пунктовъ по пути нельзя, потому что такое пограничное управленіе краемъ не приводитъ къ добру, всегда приходится занять весь край, какъ это еще недавно было доказано во время перестройки управленій Киргизской степи. Одной изъ побудительныхъ причинъ этого перестроенія былъ именно пограничный способъ управленія, при

которомъ, какъ говорятъ, обрусеніе степи шло весьма туго и совершалось не съ должною полнотою. Достиженіе этихъ цивилизаціонныхъ цѣлей, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, естественный ходъ событій заставляютъ насъ подвигаться все далѣе, и не жалѣть ни силъ, ни средствъ, такъ что, занявъ первоначально лишь ближайшія кочевья киргизовъ за Ураломъ, мы постепенно дошли до Сырь-Дарьи, и до самого Самарканда. Итакъ, по всей вѣроятности мы займемъ и въ настоящемъ случаѣ весь край; но что значитъ весь край? гдѣ его границы? Рѣка Атрекъ? нѣтъ, за Атрекомъ тоже кочуютъ туркмены. Рѣка Гюргень?) и на ней и за ней тотъ же народъ, такъ что остается принять за рубежъ на югъ границу Персіи, что вѣроятно и будетъ самымъ рациональнымъ предѣломъ. На востокъ территория кочевокъ туркменъ доходитъ до границъ Герата и Авганистана. Работа проложенія такого пути, со стороны физической, безъ сомнѣнія не легкая, со стороны административно-политической принимаетъ чрезчуръ широкіе размѣры, однако ее избѣгнуть нельзя, сдѣленіе событій приводитъ насъ къ ней строго-логическимъ путемъ. Сама судьба толкаетъ насъ все впередъ въ этомъ направленіи, хотя, не во гнѣвъ будь сказано, подталкиваютъ отчасти и простые смертные. Десять лѣтъ тому назадъ немногіе полагали, что мы будемъ теперь въ Самаркандѣ; еще черезъ десять лѣтъ, а можетъ быть и гораздо ранѣе, я думаю, мы дойдемъ до восточной границы Персіи и займемъ г. Мервъ. Причина ясна: столенившись теперь съ туркменами, какъ прежде съ киргизами, намъ остается на выборъ: или терпѣть ихъ грабежи, или подчинить ихъ себѣ; подобнымъ образомъ подвигались англичане въ Индіи, такъ идутъ теперь русскіе въ Средней Азіи. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, слѣдуетъ ли это дѣлать или нѣтъ, дѣло само собою сдѣлается, можно только разсуждать о томъ, какъ выгодноѣ его сдѣлать. Этотъ послѣдній вопросъ, дѣйствительно, весьма важенъ и отъ правильнаго рѣшенія его зависитъ вообще успѣхъ предпріятія, потому что успѣшнымъ можно назвать только дѣло окупающее своими послѣдствіями потраченные на него издержки; одно достиженіе цѣли, во что бы то ни стало, еще не есть успѣхъ въ полномъ смыслѣ слова.

Для разрѣшенія нашей задачи, т.-е., какъ поступить въ данномъ случаѣ, мы должны подойти къ вопросу съ другой стороны, а именно со стороны внѣшней политики. Что скажутъ ближайшіе сосѣди? Въ этомъ смыслѣ первенствующую роль надо признать за Англіей, а затѣмъ уже слѣдуютъ страны, лежащія между ея владѣніями и нашими, т.-е. Авганистанъ и Персія. Взглядъ англійской интеллигенціи на наши завоеванія въ Средней Азіи, въ послѣднее время, довольно ясно высказался въ прессѣ и въ рѣчахъ государственныхъ людей; въ об-

*) Атрекъ и Гюргень—рѣки, впадающія въ юго-восточный уголъ Каспійскаго моря.

щемъ итогъ онъ не совсѣмъ невыгоденъ для насъ, но во всѣхъ отзывавъ, даже въ говорящихъ въ нашу пользу, слышится что-то недосказанное, условное, а эти недомолвки конечно многихъ пугаютъ, и не даютъ взглянуть на дѣло безпристрастно. Постараемся разъяснить причину этого. По нашему крайнему убѣжденію, она кроется въ разладѣ, обнаруживающемся у насъ такъ часто между словомъ и дѣломъ. Дальше мы укажемъ на источникъ этого разлада, теперь напомнимъ только нѣсколько фактовъ. Передъ занятіемъ соединительной линіи между Оренбургскою и Сибирскою степью, мы въ заявленіяхъ нашихъ мотивировали, совершенно справедливо, необходимость такого соединенія территоріальными условіями, но вслѣдъ затѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ оказалось неизбѣжнымъ занять Чимкентъ, а потомъ и Ташкентъ; взявъ тотъ и другой, мы опять во всеуслышаніе печатно высказывали, что больше намъ ничего не надо, однако пошли и въ Ходжентъ, а наконецъ даже въ Самаркандъ. Чтô будетъ дальше — не знаемъ, но мнѣ сдается, что и этого окажется мало, можно даже сказать навѣрное, что придется округлить границу. Между тѣмъ и несмотря на это, передъ нами тотъ несомнѣнный фактъ, что никто изъ упомянутыхъ выше сосѣдей не заявилъ протеста противъ нашихъ завоеваній, а тѣмъ менѣе грозилъ войною. Послѣ этого нельзя не признать, что всѣ наши колебанія были по меньшей мѣрѣ излишни, и что гораздо раціональнѣе было бы впередъ уговориться съ кѣмъ слѣдуетъ, чтô намъ надо и куда мы стремимся, потому что въ такомъ случаѣ сосѣди не имѣли бы даже причины мѣшать намъ нравственно. На это могутъ возразить, что мы и сами достовѣрно не знаемъ, куда идемъ; но такое возраженіе будетъ совершенно несправедливо, и мы прекрасно знаемъ, чего хотимъ: намъ надо занять такую границу, за которую наши новыя подданные, отчасти кочевые, не будутъ имѣть причины періодически переходить по экономическимъ условіямъ своего образа жизни. Очевидно, что этому условію не удовлетворяютъ ни линіи изъ Джуссека на Туркестанъ и Аульета, ни на Ташкентъ, Ходжентъ или Самаркандъ: народы, живущіе на сѣверной сторонѣ этихъ границъ, болѣе или менѣе живутъ и кочуютъ и на югъ отъ нихъ. Другимъ весьма важнымъ условіемъ хорошей пограничной линіи служить населенность ея, существованіе на ней какихъ бы то ни было гражданскихъ порядковъ и хотя нѣсколько твердаго правительства; послѣднему условію впрочемъ отчасти соответствуетъ наше положеніе въ Самаркандѣ. Бухара, страна съ осѣдлымъ населеніемъ и имѣетъ организованное правительство, но это только именно около Самарканда; все пространство отъ него на востокъ до Китая и на западъ до Каспія не признаетъ ничьей прочной власти, а самая пограничная черта совершенно фиктивна. Вотъ причина, почему мы идемъ все дальше и дальше. Незнакомому близко съ положеніемъ дѣла наблю-

дателью, наше наступленіе не можетъ не казаться завоевательною политикою, т.-е. жаждою приобрѣтенія, которому не предвидится конца. Дѣйствительно, по нашему уразумѣнію, предѣлъ движенія впередъ не ближе Авганистана и Персіи — вотъ тотъ рубежъ, до котораго намъ надо добраться. На этой границѣ мы должны встрѣтиться съ Англією. Но какъ извѣстно, наша соперница (какъ дѣло это у насъ обыкновенно понимаютъ) сама не прочь изъ Авганистана создать нейтральную и независимую страну, а что касается до Персіи, то изъ нея Англія уже сдѣлала нѣчто въ родѣ такого государства. Занять Авганистанъ англичане не желаютъ и дѣйствительно нѣтъ никакихъ причинъ предвидѣть такое занятіе; во всякомъ случаѣ, какъ по опыту дознано, это вовлекло бы ихъ въ нескончаемый рядъ военныхъ дѣйствій, не дающихъ осязательнаго результата, кромѣ громаднхъ издержекъ. Спрашивается, зачѣмъ же мы не высказываемъ нашихъ желаній прямо и рѣшительно? Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ упомянутымъ разладомъ между словомъ и дѣломъ. Казалось бы, Россія бояться нечего, не объявлять же ей войну изъ-за какихъ-нибудь хивинскихъ и бухарскихъ интересовъ, а между тѣмъ наши газеты и журналы какъ-будто все опасаются какихъ-то столеновеній. Объясненіе этихъ опасеній надо искать въ томъ преувеличенномъ понятіи о важности нашихъ приобрѣтеній, которое журналы и брошюры стараются распространить въ публикѣ, совершенно забывая, что вмѣстѣ съ приобрѣтеніями и выгодами на насъ ложится и очень значительное бремя, а подчасъ даже невыгоды могутъ становиться больше выгодъ. Стоить только сообразить разстоянія отъ центровъ нашей политической и промышленной жизни, и еще свойство странъ, по которымъ лежатъ пути сообщенія, чтобы убѣдиться, что не очень легко намъ будетъ защищать такіа отдаленныя владѣнія. Но эта трудность, въ извѣстномъ смыслѣ, составляетъ нашу выгоду, потому что наши европейскіе сосѣди очень хорошо понимаютъ, что именно потому мы не можемъ сдѣлаться въ этихъ краяхъ слишкомъ опасными. Между тѣмъ, для полудикихъ народовъ мы всегда будемъ страшны и всегда будемъ имѣть возможность водворить тамъ порядокъ, а это одинаково нужно намъ и нашимъ европейскимъ сосѣдямъ. Но такіа соображенія конечно не допускаются извѣстною клякою нашихъ публицистовъ, которымъ во что бы то ни стало надо съ одной стороны поддразнивать народное самолюбіе, увѣряя, что насъ вездѣ и всегда боятся, а съ другой — увѣрять правительство въ такихъ опасностяхъ, какихъ на дѣлѣ не существуетъ. Вслѣдствіе такого двойкаго стремленія, часть нашей прессы усматриваетъ въ каждой попыткѣ правительства или печати выйти на чистую дорогу — чуть не измѣну народному дѣлу. Ясное обозначеніе нашихъ цѣлей и желаній, конечно, однимъ разомъ лишило бы этихъ патриотовъ-подстрекателей возможности играть въ политику и сулить на-

роду выгоды, о существованіи которыхъ они сами имѣютъ весьма смутное понятіе.

Такимъ образомъ, мы остаемся при высказанной выше мысли, что выгоднѣйшимъ и удобнѣйшимъ способомъ достиженія нашихъ цѣлей въ Средней Азій представляется намъ полное и открытое соглашеніе съ сосѣдями. Понятно, что и другіе европейскіе народы пожелаютъ участвовать въ эксплуатаціи, посредствомъ торговыхъ сношеній, тѣхъ странъ, которыя мы приведемъ къ повиновенію; но торговаго соперничества конечно бесполезно избѣгать, и оно намъ въ общей сложности не можетъ быть опаснымъ.

Оставаясь при такомъ взглядѣ на наши отношенія въ Средней Азій, посмотримъ, какую пользу можно ожидать отъ приобрѣтенія и устройства торговой станціи на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Предположимъ опять вышеупомянутые два случая: первый—Аму-Дарья будетъ впадать въ Каспій; и второй—Красноводскій заливъ будетъ только складочнымъ пунктомъ, а товары пойдутъ далѣе сухимъ путемъ. Первое изъ предположеній, какъ весьма невѣроятное, слѣдовало бы оставить совсѣмъ безъ вниманія, но скажемъ нѣсколько словъ и объ немъ. Если рѣка Аму-Дарья, которая въ болѣе части своего теченія судоходна, дойдетъ до берега Каспійскаго моря, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы морскія суда могли ходить безпрепятственно и по рѣкѣ; по всей вѣроятности, низовье ея будетъ не очень многоводно, потому что отъ хивинскихъ предѣловъ ей придется пробѣжать все разстояніе по глинисто-песчаной пустынѣ, поглощающей огромное количество водяныхъ паровъ, притоковъ же она, конечно, здѣсь принимать не будетъ. По меньшей мѣрѣ должно предполагать, что при устьѣ ея образуется отъ ила постоянный баръ, который во всякомъ случаѣ, по причинѣ удлинненія теченія рѣки, будетъ значительнѣе бара ея при впаденіи въ настоящее время въ Аральское море, а на этомъ послѣднемъ вода, какъ извѣстно, не превышаетъ двухъ съ половиною футовъ глубины. Другими словами, мы увидимъ здѣсь въ такомъ случаѣ тоже, что въ Астрахани, т.е. суда рѣчныя не будутъ выходить въ море, и потребуются перегрузка. Это обстоятельство, какъ извѣстно, значительно уменьшаетъ достоинства водяного пути, тѣмъ болѣе, что для товаровъ, идущихъ изъ Россіи, безразлично—водою или по будущимъ желѣзнымъ дорогамъ чрезъ Кавказъ потребуются перегрузка два раза: въ Астрахани или Баку, и въ Красноводскомъ заливѣ. Но главное дѣло въ томъ, что обращеніе Аму-Дарья въ Каспійское море есть конечно только мечта, равнымъ образомъ и паровые желѣзные пути въ Средней Азій останутся еще долгое время въ области желаній; на самомъ же дѣлѣ здѣсь мы будемъ имѣть дѣло пока съ верблюдамъ. Принимая же этотъ способъ перевозки, т.е. вьючный, за преобладающій, и сравнивая удобства его на пути изъ Красноводскаго залива

въ Бухару съ удобствами отправленія товаровъ чрезъ Оренбургскую и Сибирскую степи, мы, кажется, должны придти къ заключенію, что новое наше приобрѣтеніе особыхъ весьма важныхъ коммерческихъ выгодъ не представляетъ. Изъ Россіи товары конечно могутъ быть доставляемы за меньшую плату въ Астрахань, чѣмъ въ Оренбургъ, Троицкъ или Петропавловскъ, но за то въ Астрахани предстоитъ перегрузка, потомъ фрахтъ моремъ, хотя современемъ будетъ ковечено дешевый, но за то страховая премія уравниваетъ часть этой дешевизны; наконецъ предстоитъ вновь перегрузка. На степномъ пути товаръ отъ воротъ русскихъ городовъ перевозится однимъ способомъ до мѣста назначенія. Особенно невыгодна для новаго пути необходимость направлять караваны изъ Красноводска почти исключительно по одной дорогѣ, тогда какъ степями они идутъ по множеству направлений, и недостатка корму для вьючныхъ животныхъ не предвидится, что непременно должно случиться при слѣдованіи большого количества тяжестей по одной линіи; несмотря на неразборчивость и неприхотливость верблюда, извѣстное количество растительности ему однако необходимо. Это обстоятельство всегда будетъ ограничивать развитіе торговли по пути изъ Красноводска. Возможность увеличенія числа верблюдовъ на этой линіи весьма скоро достигнетъ своего предѣла, и остановитъ дальнѣйшее развитіе торговли, еслибы даже другія обстоятельства ей благопріятствовали.

Изъ всѣхъ искусственныхъ способовъ перевозки тяжестей, ближайшимъ къ осуществимости въ степяхъ можно считать конножелѣзныя дороги, но едвали и въ этомъ отношеніи не должно отдать преимущество нашимъ травянымъ степямъ передъ безводною пустынею между морями. При направленіи желѣзной дороги въ Саратовъ, нѣтъ ничего невозможнаго продолжить ее до г. Уральска, а отсюда конножелѣзный путь до низовьевъ Сыръ-Дарьи нельзя считать дѣломъ совершенно невозможнымъ. Послѣ этого, спрашивается, какія выгоды представляетъ въ коммерческомъ отношеніи занятіе Красноводскаго залива, не говоря уже о бесплодіи и безводности его, что намъ было давно извѣстно? Это прибрѣтеніе неоспоримо принесетъ весьма большую пользу рыболовству, а равно разовьетъ по всей вѣроятности добываніе нефти на островѣ Челекенѣ, находящемся вблизи нашихъ новыхъ владѣній или составляющемъ уже часть ихъ. Вообще надо признаться, что хотя торговля наша въ Средней Азій съ каждымъ годомъ болѣе развивается, но основаніе ея очень непрочное и въ явной зависимости отъ разныхъ случайностей. Такъ какъ мы дѣйствовали, не обращая вниманія на сосѣдей, то конечно они въ свою очередь будутъ противоdѣйствовать нашимъ планамъ, и вотъ каковъ, мнѣ кажется, будетъ конечный результатъ нашихъ дѣйствій, которыя, вслѣдствіе своей неопредѣленности, не могутъ не раздражать въ извѣстной степени Пер-

си и ея союзниковъ. Мы пользовались на рынкахъ Средней Азии первенствомъ не по причинѣ превосходства нашихъ товаровъ, но потому, что по настоящее время въ рукахъ англичанъ не было дешеваго и безопаснаго пути, а поэтому тѣ немногіе англійскіе товары, которые проникали туда, по дороговизнѣ перевозки, необходимо должны были быть необыкновенно дешевыя издѣлія, а слѣдовательно самаго дурного качества; понятно, что съ такими товарами намъ легко было конкурировать. Дорога же чрезъ Авганистанъ, по трудности подъездовъ черезъ горы, еслибы даже удалось ее сдѣлать безопасною отъ грабителей, никогда не можетъ выдержать сравненіе съ удобствами путей, находящихся въ нашихъ рукахъ. Эти обстоятельства очень хорошо оценены англичанами, и они не обращали всей своей энергіи на открытіе другой дороги, только лишь потому, что не желали черезъ это ускорить развязку ихъ отношеній къ намъ въ Средней Азии. Теперь мы сами вынуждаемъ ихъ взяться за дѣло.

Путь этотъ, т.-е. лучший и выгоднѣйшій для нихъ, идетъ изъ Персіи черезъ города Мешедъ и Мервъ и среднее теченіе Аму-Дарьи. Нѣтъ сомнѣнія, что тому народу, который первый возобновитъ безопасность на этой дорогѣ, будетъ принадлежать, на долгое время, главенство въ торговлѣ съ Среднею Азіею. Между тѣмъ нашъ образъ дѣйствій, по настоящее время, очевидно не руководился этою мыслию, иначе мы бы не рѣшились раздражать Персію мелкими покушеніями на приобрѣтеніе второстепенныхъ окружныхъ путей, а добивались бы главной цѣли. Продолжая дѣйствовать такъ, какъ мы начали, мы, какъ сказано, непремѣнно заставимъ англичанъ взять это дѣло въ свои руки; а руки эти довольно искусныя, и за что возьмутся,—то сдѣлаютъ хорошо и основательно. Въ самомъ дѣлѣ, устроить этотъ путь не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда, нашимъ соперникамъ стоить для этого только усилить и поддерживать матеріально Персію, а она, какъ держава магометанская (хотя шиитскаго толка), будетъ сама собою имѣть большія преимущества передъ націями христіанскими. При помощи иностранныхъ офицеровъ персамъ не трудно будетъ покорить турменовъ; удачную попытку въ этомъ отношеніи сдѣлалъ уже покойный Аббасъ-Мирза, но смерть помѣшала ему окончить начатое; теперь нѣчто подобное, конечно, уже дѣлается. Приведя туркменъ къ порядку посредствомъ Персіи, Англія не затруднится сдѣлать невозможнымъ всякія попытки грабежей со стороны авганъ, а затѣмъ дорога остается открытою. Если это случится, и случится помимо насъ, то конечно на первый разъ, а можетъ быть на довольно долгое время, всѣ выгоды отъ вновь открытаго пути и рынковъ, къ которымъ онъ ведетъ, достанутся нашимъ соперникамъ. Вотъ ближайшій результатъ нашихъ колебаній. Воспрепятствовать силою такому ходу дѣла окажется невозможнымъ, или по крайней мѣрѣ введетъ

насъ въ издержки несоразмѣрныя съ ожидаемою пользою. Остается значить уладить дѣло путемъ дипломатическимъ, т.-е. принявъ не только участіе, но даже взявъ на себя главное усмиреніе туркменовъ, и предоставить Англіи охранять путь съ юга отъ авганъ и другихъ мелкихъ грабителей. Персія, убѣдившись въ согласіи европейскихъ державъ, конечно не можетъ не содѣйствовать. Если этотъ путь устроится послѣднимъ способомъ, то Англія не будетъ имѣть надобности, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, рисковать своими капиталами для проведенія по Персіи и Азіатской Турціи желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ товары дешево и безопасно могутъ доставляться изъ Чернаго моря по нашимъ закавказскимъ желѣзнымъ дорогамъ къ Каспійскому морю, или современемъ по дорогамъ чрезъ Персію. Путемъ соглашенія можно бы вести это предпріятіе успешнѣе и съ меньшими расходами добиться положительныхъ результатовъ, только не слѣдуетъ увлекаться неопредѣленными ожиданіями, которыя весьма легко могутъ не сбыться. Но конечно въ такомъ случаѣ занятіе Красноводскаго залива не есть рѣшительный шагъ, этотъ заливъ не составляетъ даже этапнаго пункта на нашемъ пути слѣдованія; но мѣра эта впослѣдствіи по всей вѣроятности оказалась бы необходимою, теперь же полезнѣе было бы занять мѣстность по рѣкѣ Гюргеню, черезъ что наша морская станція на Амуръ-адѣ получила бы первенствующее значеніе. Такимъ движеніемъ мы разомъ лишили бы туркменовъ возможности нападать на Персію и заставили бы ихъ разъ навсегда признать нашу власть; со стороны же Красноводскаго залива мы можемъ дѣйствовать только съ фронта, и не препятствуемъ имъ, удаляясь на югъ, смотря по обстоятельствамъ, соединяться съ нашими непріятелями или грабить нашихъ сосѣдей, что одинаково вредно для насъ.

Занятіе Красноводскаго залива еще менѣе можетъ считаться удачнымъ шагомъ къ окончательному рѣшенію вопроса о границѣ нашихъ владѣній, такъ какъ, не давая намъ фактической власти надъ туркменами, это занятіе дѣлаетъ насъ однако въ извѣстной мѣрѣ отвѣтственными за ихъ поступки, и въ тоже время бесполезно возбуждаетъ опасенія въ нашихъ сосѣдяхъ, съ которыми къ концу концовъ придется, такъ или иначе, сводить счеты.

Л. М—ръ.

Казань.